

négociateur“¹⁾. Батюшковъ нападаетъ при этомъ на одного изъ сторонниковъ шишковской школы, Писарева, который покушался писать о русской исторіи и напомнил Батюшкову Тредьяковского... „Отъ одного слова *русское*, не кстати употребленнаго, у меня сердце не на мѣстѣ“. Далѣе онъ говоритъ въ томъ же письмѣ: „Еще два слова: любить отечество должно. Кто не любитъ его, тотъ извергъ. Но можно ли любить невѣжество? Можно ли любить нравы, обычаи, отъ которыхъ мы отдалены вѣками и, что еще болѣе, цѣлымъ вѣкомъ просвѣщенія? Зачѣмъ же эти усердные маратели выхваляютъ все старое? Я умѣю разрѣшить эту задачу, знаю, что и ты умѣешь, — и такъ, ни слова. Но повѣрь мнѣ, что эти патріоты, жаркіе декламаторы, не любятъ или не умѣютъ любить русской земли. Имѣю право сказать это, и всякій пусть скажетъ, кто добровольно хотѣлъ принести жизнь на жертву... Да дѣло не о томъ: Глинка называетъ *Вѣстникъ* свой *Русскимъ*, какъ будто пишетъ въ Китаѣ для миссіонеровъ или пекинскаго архимандрита. Другіе, а ихъ тысячи, жужжатъ, нашептываютъ: русское, русское, русское... а я потерялъ вовсе терпѣніе!“²⁾

Въ приведенныхъ словахъ, вызванныхъ крайностями шишковской школы, была доля правды, но было и простое непониманіе русской исторіи. Мы видимъ здѣсь пока только инстинктъ, который вѣрно подсказывалъ антипатію къ злоупотребленію патріотической терминологіи, когда подъ ней не было здраваго содержанія. Литературный тактъ, выработанный Батюшковымъ въ его школѣ, помогать ему видѣть, что было нескладнаго и фальшиваго въ томъ отношеніи къ русской старинѣ и національности, какимъ отличались Шишковъ и его приверженцы; но онъ не въ состояніи былъ замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь положительнымъ. Онъ искалъ въ исторіи литературной красоты или философскихъ сентенцій, съ какими понималъ исторіографію XVIII вѣка; ему какъ будто не приходило на мысль, что первая задача исторіи — установить достовѣрные факты, разыскать ихъ соотношенія и найти связь прошедшаго съ настоящимъ; что для этой первой задачи необходимо переислѣдовать всѣ разнородные сохранившіеся памятники древности — безъ чего исторія даже въ рукахъ талантливаго че-

¹⁾ Любопытно сличить этотъ отзывъ съ мнѣніями людей стараго (и для Батюшкова вѣка, какъ, напр., Завадовскій, слова котораго приводятся, между прочимъ, въ статьѣ г. Брикнера объ „Архивѣ кн. Воронцова“. Завадовскій точно также совсѣмъ не понималъ русской старины, и интересъ въ русской исторіи видѣлъ именно только со временъ Петра Великаго.

²⁾ Т. III, стр. 56—58.